

РЕЦЕНЗИИ

УДК 821.161.1

**ПЕРЕХОДНОСТЬ КАК ПОЭТИКА:
РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ С. С. ИМИХЕЛОВОЙ «РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА
НА РУБЕЖЕ XX–XXI вв.: ЖАНРОВЫЕ ПОИСКИ, ИНТЕРТЕКСТЫ,
ЛОКАЦИИ, ТЕАТР»**

© **Серебрякова Зоя Александровна**

доктор филологических наук, доцент,

Восточно-Сибирский государственный институт культуры

Россия, 670031, г. Улан-Удэ, ул. Терешковой, 1

serebryakovaza@mail.ru

Монография доктора филологических наук, профессора Бурятского государственного университета им. Д. Банзарова Светланы Степановны Имихеловой посвящена переходному периоду русской литературы рубежа XX–XXI вв. в единстве ее жанровых поисков, интертекстуальных стратегий, региональной специфики и театральных репрезентаций.

В книге С. С. Имихеловой с точки зрения литературоведческой рефлексии рассматриваются явления, связанные с порождением «промежуточных» жанровых форм (autofiction, non-fiction, эссеизация прозы, публицистика в художественном дискурсе), исследуются механизмы интертекстуального диалога современной литературы с классической традицией (Пушкин, Лермонтов, Толстой, Гоголь, Блок, Бабель, Булгаков), а также изучаются индивидуальные репрезентации «пограничного» сознания в идиостилях Вен. Ерофеева, В. Маканина, Л. Петрушевской, С. Довлатова, В. Пелевина, З. Прилепина.

Специальному рассмотрению подвергается литературный процесс в Бурятии: проза А. Гатапова, В. Гармаева, поэзия М. Шиханова, эссеистика А. Румянцева, драматургия С. Лобозерова и Н. Садур (в аспекте ее театральных интерпретаций), новеллистика Ю. Извекова и Т. Григорьевой, а также литературно-критическое наследие А. К. Паликовой.

Основным материалом исследования является русская проза и драматургия 1970–2020-х гг.: на основе этого материала автором выделяется целый ряд явлений, попадающих в центр внимания как репрезентанты «переходности» — жанровый синкретизм, автофикциональность, неомифологизм, «пограничный» хронотоп, метатекстовые структуры, а затем совокупность этих явлений исследуется в их системном единстве.

В основе заявленной исследовательской позиции лежит методологически значимое положение о том, что «переходность» (рубежность, пограничность, «промежуточность») является не внешней характеристикой литературного процесса 1970–2020-х гг., а его внутренней жанро- и смыслопорождающей доминантой. В работе также отмечается, что писательская рефлексия в этом случае приобретает

креативное измерение, позволяющее не только фиксировать кризис самоидентичности человека переходного времени, но и вырабатывать новые формы художественного самосознания.

Монография С. С. Имихеловой опирается на репрезентативную источниковую базу, включающую:

1. Художественные тексты около пятидесяти авторов второй половины XX — начала XXI в. (от Вен. Ерофеева, А. Битова, В. Маканина, В. Распутина, В. Астафьева до Л. Петрушевской, С. Довлатова, В. Пелевина, З. Прилепина, О. Павлова, А. Слаповского, Ю. Буйды), а также произведения русских писателей Бурятии (И. Калашников, А. Гатапов, В. Гармаев, М. Шиханов, А. Румянцев, С. Лобозеров, Ю. Извеков, Т. Григорьева).

2. Драматургические тексты (А. Вампилов, С. Лобозеров, Н. Садур) и их театральные интерпретации (спектакли Русского драматического театра им. Н. А. Бестужева, Молодежного художественного театра г. Улан-Удэ).

3. Научно-критическую литературу: труды по теории жанра (Б. Эйхенбаум, Л. Гинзбург, М. Бахтин), поэтике мифа (Е. Мелетинский, К. Леви-Стросс), постмодернизму (Н. Лейдерман, М. Липовецкий, И. Скоропанова, О. Богданова), региональному литературоведению (В. Башкеева, А. Паликова).

4. Эпистолярное и мемуарное наследие (письма, дневники, публицистика писателей, в том числе книга Л. Петрушевской «Девятый том» как образец авторской метарефлексии).

Методологический инструментарий монографии синтезирует историко-литературный метод (рассмотрение литературного процесса в динамике, выявление преемственных связей); структурно-семиотический подход (анализ бинарных оппозиций, мифопоэтических структур); интертекстуальный анализ (в русле концепций Ю. Кристевой, Р. Барта, школы Тарту); рецептивно-эстетический подход (исследование «повествовательной маски», категории читателя); метод жанрового моделирования (типология «промежуточных» форм).

Привлекает внимание корректность использования терминологического аппарата: понятия «autofiction», «неомифологизм», «мениппея», «автофикциональный герой», «повествовательная маска» применяются в строгом научном контексте, с опорой на авторитетные источники и необходимой историко-литературной конкретизацией.

Список литературы включает 57 позиций, среди которых ключевые работы по теории литературы, поэтике мифа, истории русской литературы XX–XXI вв., а также труды по литературному краеведению. Присутствие новейших исследований 20-х гг. XX в. является безусловным плюсом.

Монография состоит из четырех разделов, объединяющих главы, посвященные различным аспектам литературного процесса рубежа XX–XXI вв. Композиция работы подчинена логике движения от общетеоретических проблем — через анализ конкретных художественных явлений — к региональной специфике и театральным репрезентациям.

Раздел I. «Русская литература на границе веков. О “пограничных” жанрах в прозе» (с. 6–64).

Первый раздел открывается теоретическим обоснованием категории «промежуточности», восходящей к трудам Б. Эйхенбаума и Л. Гинзбург. С. С. Имихелова

З. А. Серебрякова. Переходность как поэтика: рецензия на монографию С. С. Имихеловой «Русская литература на рубеже XX–XXI вв.: жанровые поиски, интертексты, локации, театр»

убедительно демонстрирует, что «пограничные» жанры — autofiction, проза non-fiction, эссеизированная и публицистическая проза — являются не маргинальными, а магистральными в литературном процессе 1980–2000-х гг.

Наиболее интересные, на наш взгляд, моменты раздела:

1. Анализ поэмы Вен. Ерофеева «Москва – Петушки» как инициального текста автофикциональной традиции. Автор показывает, что Веничка, будучи тезкой и однофамильцем реального Венедикта Ерофеева, не просто выступает в качестве alter ego, но являет собой амбивалентное единство автора, героя и повествователя, восходящее к традиции мениппеи (опора на теорию М. Бахтина). Тезис о том, что «текст у Ерофеева не исчезает, рукопись не горит — этот текст с Веничкой в центре есть жизнь и биография Венедикта Ерофеева, и наоборот, сама реальность есть воплощение текста» (с. 7), представляется концептуально значимым.

2. Эволюция autofiction от С. Довлатова до З. Прилепина. Исследователь прослеживает, как «Я»-повествование, соотнесенное с биографическим контекстом, создает иллюзию равенства автора, повествователя и героя. Особого внимания заслуживает анализ романа З. Прилепина «Грех» (с. 11–12), в котором «Захарка» — alter ego автора — проходит через все этапы взросления и осмысления мира, а жанровая форма «романа в рассказах» становится адекватным воплощением фрагментарности сознания человека переходной эпохи.

3. Эссеистика и публицистика в прозе А. Битова, В. Маканина, В. Астафьева. Автор монографии доказывает, что «нехудожественная» составляющая этих произведений — не отступление от беллетристики, а способ расширения жанровых границ, позволяющий синтезировать образ и понятие, мысль и чувство. Анализ «Сюжета усреднения» В. Маканина (с. 14–15) с его метафорой «теневого стороны горы» и концепцией «срединного человека» выполнен на высоком теоретическом уровне.

4. Проблема самоидентификации человека переходного времени (с. 19–33). Это ключевой теоретический блок раздела. С. С. Имихелова убедительно показывает, что герои В. Маканина («Андерграунд, или Герой нашего времени»), Л. Петрушевской («Время ночь»), В. Распутина («Дочь Ивана, мать Ивана»), О. Павлова («Казенная сказка»), А. Слаповского («Я – не Я»), Ю. Буйды («Вор, шпион, убийца») обретают свою идентичность через Слово. Творческая личность в прозе 1990–2000-х гг. предстает как «болевого центр» центробежной Вселенной, и именно способность к саморефлексии, к исповедальному высказыванию становится залогом преодоления кризиса гуманизма, своеобразной точкой опоры и фиксации.

Раздел II. «Диалог с классикой. Интертексты и интертекстуальные связи в литературе XX в.» (с. 65–105).

Второй раздел — безусловная вершина монографии, демонстрирующая филигранную технику интертекстуального анализа.

1. «Кавказские пленники» русской классики и «Кавказский пленный» В. Маканина (с. 65–70). С. С. Имихелова предлагает оригинальную трактовку рассказа Маканина, разводя понятия «пленный» и «плененный». Пленный — чеченский юноша, которого солдат Рубахин вынужден убить. Плененный — сам Рубахин, «который год» не уезжающий с Кавказа, плененный красотой гор и красотой уни-

того человека. Цитируемая автором фраза — «красота не успела спасти...» — принадлежит не повествователю, а герою, и в этом С. С. Имхелова справедливо видит ключ к философии Маканина: «индивидуальная мысль» (в отличие от толстовской «мысли народной») не может остаться равнодушной к гибели прекрасного, даже если эта гибель неизбежна. Полемика с романом Л. Толстого романа «Асан», в котором герой носит фамилию Жилин, выводит анализ на уровень историософской рефлексии: «мысль индивидуальная» против «мысли народной» — таков, по Маканину, главный конфликт войны на Кавказе рубежа XX–XXI вв.

2. «Песни западных славян» Пушкина как интертекст в цикле Л. Петрушевской «Песни восточных славян» (с. 71–83). Данная глава представляет собой образец сравнительно-типологического исследования. Автор убедительно доказывает, что связь двух циклов не имитация и не стилизация, а глубинная идейно-философская общность. И Пушкин, и Петрушевская обращаются к фольклорным сюжетам не для этнографической реконструкции, а для исследования универсальных механизмов человеческого поведения в пограничной ситуации. Анализ «повествовательной маски» (безликий голос коллектива, «глас народа» с его кажущейся жестокостью, за которой скрывается «скрытое, почти не слышное сострадание») выполнен блестяще. Впервые в исследовательской литературе столь детально показано, как Петрушевская наследует пушкинский принцип «объективной субъективности»: автор не морализирует, но сама структура повествования настраивает на нравственную рефлексию.

3. Блоковский интертекст в современной прозе (с. 83–91). Анализ рассказа В. Пелевина «Хрустальный мир» и повести В. Сорокина «Метель» демонстрирует амбивалентность интертекстуальных стратегий. У Пелевина цитата из Блока (эпиграф и финальные строки) работает одновременно на двух уровнях: философском (тема исторической миссии, судьбы России) и ироническом (юнкера, призванные защитить «хрустальный мир», находятся под воздействием кокаина и пропускают Ленина в Смольный). У Сорокина блоковский эпиграф («Покойник спать ложится...») становится кодом к дешифровке постмодернистской игры с классической традицией: метель у Сорокина — это «внутренняя метель», «метель в душе» современного человека, утратившего онтологические ориентиры. С. С. Имхелова тонко подмечает, что оба автора, при всей их постмодернистской иронии, сохраняют пиетет перед поэтическим словом Блока, что особенно заметно в «Священной книге оборотня» Пелевина.

4. «Зона» С. Довлатова и «Конармия» И. Бабея (с. 91–98). Исследователь доказывает, что типологическая близость двух циклов коренится в романтическом мышлении обоих авторов. Герой Довлатова (Алиханов) и герой Бабея (Люттов) — это интеллигенты, «изгой», маргиналы, мучительно разрывающиеся между неприятием жестокости и невозможностью остаться в стороне от происходящего. Параллелизм судеб писателей (оба в сложных отношениях с советской властью, оба — «рассказчики», а не «писатели-проповедники») проведен корректно и ненавязчиво.

5. Интертекстуальная игра в романе В. Пелевина «Чапаев и Пустота» и в романе М. Булгакова «Мастер и Маргарита» (с. 98–105). Автор предлагает рассматривать булгаковский текст как «стержневой претекст» пелевинского романа. Тезис о том, что «буддийские ценности» Пелевина и «христианские ценности» Булгакова в их

З. А. Серебрякова. Переходность как поэтика: рецензия на монографию С. С. Имихеловой «Русская литература на рубеже XX–XXI вв.: жанровые поиски, интертексты, локации, театр»

вершинных произведениях оказываются глубинно родственны (принцип относительности добра и зла, тема милосердия, идея духовного освобождения), представляется дискуссионным, но методологически продуктивным.

Кроме того, интересно авторское сравнение образа Чапаева с Воландом (с. 102) и Петра Пустоты с Мастером (с. 101). И хотя у Булгакова Воланд — носитель абсолютного знания, а у Пелевина Чапаев — фигура скорее ироническая, Мастер — трагический герой, обретающий покой, а Петр Пустота — персонаж, чье «просветление» поставлено под сомнение финалом, все же исследователь подчеркнул типологическую общность культурных кодов.

Раздел III. «Драматургия и театр» (с. 106–139).

Третий раздел монографии посвящен «вечным» образам в пьесах А. Вампилова, «поствампиловской» драматургии (Н. Садур), творчеству С. Лобозерова, а также современной театральной жизни г. Улан-Удэ.

1. Библейский сюжет в пьесе А. Вампилова «Старший сын» (с. 106–110). С. С. Имихелова предлагает оригинальную трактовку притчи о блудном сыне, акцентируя фигуру «праведного сына» (Кудимов) и «мудрого отца» (Сарафанов). Тезис о том, что «провинция» у Вампилова — это не географическая, а онтологическая категория («мир исчезнувшего сакрального»), в котором тем не менее возможно чудо встречи и восстановления родства, представляется теоретически обоснованным.

2. Донжуанский архетип в «Утиной охоте» (с. 110–114). Трактовка Зилова как экзистенциального Дон Жуана — сильнейшее место раздела. Автор убедительно показывает, что вампиловский герой наследует не фабульную канву легенды (обольстительство), а романтический комплекс неудовлетворенности, поиска женского идеала, невозможности прорыва из быта в бытие. Анализ финала, где Зилов «плачет или смеется — понять невозможно», а время останавливается, выполнен на высоком профессиональном уровне.

3. Категория времени в «Утиной охоте» (с. 115–121). На наш взгляд, здесь методологическое открытие автора. С. С. Имихелова выделяет пять типов времени в пьесе: бытовое (объективное), субъективное (внутреннее время героя), виртуальное («время копейки»), модальное (желаемое будущее, утопия), эсхатологическое (остановленное время финала). Такая дифференциация позволяет по-новому интерпретировать ретроспективную композицию пьесы: работа памяти — не композиционный прием, а способ самоидентификации героя, попытка восстановить «распавшуюся связь времен».

4. Драматургия С. Лобозерова (с. 121–128). Введение творчества бурятского драматурга в общероссийский контекст — несомненная заслуга автора. Анализ языковой стихии пьес Лобозерова («Семейный портрет с посторонним», «Коммерсанты», «...его алмазы и изумруды») показывает, как через «тюремную», «блатную» лексику 1990-х гг. проговаривается тоска по подлинному языку и подлинной жизни. Финал «Коммерсантов» — «мы все равно выйдем, все равно выйдем!» — интерпретируется автором как «стихийный бунт» против беспредела, жест надежды.

5. «Панночка» и «Брат Чичиков» Н. Садур (с. 128–133). Раздел, посвященный театральным интерпретациям пьес Садур в Молодежном художественном театре

г. Улан-Удэ, соединяет академический анализ и живую театральную критику. Рецензия на спектакль А. Баскакова «Брат Чичиков» (с. 130–133) — образец жанра: автор реконструирует режиссерский замысел, анализирует актерские работы (Л. Иванов, С. Гущина) и выходит на экзистенциальную проблематику пьесы («кто я?», «смогу ли я преодолеть в себе того, кто колдует и мешает самостоянию?»).

Раздел IV. «Русский писатель в национальной республике. О специфике литературного процесса в Бурятии» (с. 140–183).

Четвертый раздел — наиболее новаторский и одновременно наиболее дискуссионный.

1. Введение в широкий оборот русскоязычной прозы А. Гатапова и В. Гармаева (с. 140–151). Роман И. Калашникова «Жестокий век» рассматривается как «претекст», с которым полемизируют современные бурятские писатели. Тезис о том, что Гатапов («Тэмуджин») идет по пути поэтизации истории (в противовес «умеренным дозам» Калашникова), а Гармаев («Джамуха») создает авторский миф, полностью переворачивающий традиционную трактовку образа побратима Чингисхана, представляется обоснованным и перспективным.

2. Анализ поэм М. Шиханова (с. 151–160). Автор убедительно доказывает, что «Сердечная история» и «Красное солнце» репрезентируют субъективизацию жанра поэмы, что противоречит общерусской тенденции угасания этого жанра. Сопоставление с поэмами Н. Дамдинова и Ц.-Д. Дондовой выявляет типологическое родство русской и бурятской поэзии в освоении лирического эпоса.

3. Эссеистика А. Румянцева (с. 160–165). Книга «Певцы родной земли» трактуется как образец «поэтической критики», когда анализ неотделим от лирического переживания. Афористичность слога Румянцева («Из бесценной кладовой народной мудрости черпал выдающийся мастер, и эту же кладовую пополнил он своими лучшими творениями») получает адекватную филологическую интерпретацию.

4. Проза О. Серовой и К. Карнышева в исследованиях А. К. Паликовой (с. 165–173). Эта часть имеет особую ценность, поскольку содержит высокую оценку научной деятельности критика-регионоведа, чьи труды по русской поэзии Бурятии и прозе К. Карнышева до сих пор не получили должного признания. Анализ жанра миниатюры в творчестве Серовой и Карнышева, вписанный в контекст традиций М. Пришвина, В. Солоухина, А. Солженицына, выполнен на высоком профессиональном уровне.

5. Новеллистические циклы Ю. Извекова и Т. Григорьевой (с. 173–183). Автор предлагает рассматривать произведения Извекова («Коробка спичек») и Григорьевой («Клавиатурное сопрано») в парадигме автофикционального письма. Анализ повествовательной маски в рассказах Григорьевой (с. 177–183) — один из лучших в монографии: показано, как «искрометный юмор» и «каламбуры» героини маскируют глубокий лиризм и экзистенциальную тоску по подлинной жизни.

Таким образом, монография С. С. Имхеловой «Русская литература на рубеже XX–XXI вв.: жанровые поиски, интертексты, локации, театр» — целостное научное произведение, написанное на высоком профессиональном уровне. Концептуальное единство, связанное с выделением категории «переходности» (пограничности, промежуточности), значимой для литературного процесса 1970–2020-х гг.; мас-

З. А. Серебрякова. Переходность как поэтика: рецензия на монографию С. С. Имихеловой «Русская литература на рубеже XX–XXI вв.: жанровые поиски, интертексты, локации, театр»

штаб исследовательского материала, когда региональные писатели Бурятии анализируются в едином проблемном поле с общероссийскими авторами; методологическая база позволяют сказать о существенном вкладе автора в изучение русской литературы переходной эпохи, формировании новых исследовательских маршрутов.

Особого внимания заслуживает гуманитарная оптика автора: С. С. Имихелова пишет о современной литературе не как бесстрастный регистратор, а как чуткий читатель и со-участник литературного процесса. Ее анализ прозы В. Маканина, Л. Петрушевской, С. Довлатова, драматургии А. Вампилова и Н. Садур согрет подлинным пониманием того, что стоит за словом «переходность» — сложность утраты целостности и мужество ее восстановления средствами искусства.

Литература

1. Абашева М. П. Русская проза в конце XX века: становление авторской идентичности: автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук. Екатеринбург, 2001. 42 с.
2. Бахтин М. М. Эпос и роман. Санкт-Петербург: Азбука, 2000. 304 с.
3. Башкеева В. В. Взгляд на литературы Бурятии и Якутии в контексте постперестроенной культурной ситуации // Вестник Бурятского госуниверситета. Сер. Филология. 1997. Вып. 2. С. 102–112.
4. Гинзбург Л. Я. О психологической прозе. Ленинград: Художественная литература, 1977. 448 с.
5. Имихелова С. С., Монгуш Е. Д. Творчество Л. С. Петрушевской в контексте неомифологизма русской литературы XX в.: учебное пособие. Кызыл: Изд-во ТувГУ, 2018. 82 с.
6. Колмакова О. А. Поэтика русской постмодернистской прозы рубежа XX–XXI вв.: типы пространства и времени в воплощении кризисного сознания: автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук. Улан-Удэ, 2015. 42 с.
7. Кучина Т. Г. Первоначальные повествовательные формы в русской прозе конца XX — начала XXI века // Проблемы неклассической прозы: сборник статей / составитель Е. Б. Скороспелова. Москва: Макс Пресс, 2016. Вып. 2. С. 276–291.
8. Лейдерман Н. Л., Липовецкий М. Н. Современная русская литература: в 3 книгах. Кн. 3. В конце века (1986–1990-е годы). Москва: Эдиториал УРСС, 2001. 160 с.
9. Маркова Т. Н. Современная проза: конструкция и смысл (В. Маканин, Л. Петрушевская, В. Пелевин): монография. Москва: Изд-во МГОУ, 2003. 268 с.
10. Мелетинский Е. М. Поэтика мифа. 2-е изд. Москва: Языки русской культуры, 1995. 408 с.
11. Паликова А. К. Портреты писателей Бурятии. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1997. 124 с.
12. Скоропанова И. С. Русская постмодернистская литература. Новая философия, новый язык. Санкт-Петербург: Невский простор, 2001. 416 с.
13. Эйхенбаум Б. М. «Мой современник...». Художественная проза и избранные статьи 20–30-х годов. Санкт-Петербург: ИНАПРЕСС, 2001. 656 с.